

Экспрессивная стилистика: границы и задачи

ТОМАС Г. ХАЗАГЕРОВ
(Ростов-на-Дону)

1. Стили и язык

Начнем с определений. Стилль - дифференциальная разновидность языка. Но какая конкретно? Что отождествляет и объединяет язык и стили, что различает и дифференцирует? Мы утверждаем: язык - средство формирования и выражения мысли. Средство общения и сообщения. Средство воздействия. Мы подчеркиваем два ключевых понятия: средство, точнее, система средств, и функция, или, проще говоря, цель. Подчеркнув их, мы с самого начала характеризуем язык, как "явление целевого характера" (Косериу 1982: 156).

Итак, тождества и различия, которые мы ищем, определяются средствами и целью. Но что важнее? Первоочереднее? Что даст путеводную нить последующему анализу? Думается, что цель. Средства не определяют сущности цели. Она раскрывается в иных причинноследственных связях. С точки зрения средств, цель есть данное. Она определяет или, во всяком случае, подсказывает определение сущности средств и их возможной совокупности. Впрочем, подсказка не однозначна. Почему одно и то же средство пригодно или непригодно для одной и той же цели? Почему мы делим средства на достаточные и недостаточные? Эффективные и малоэффективные? Цель говорит о совокупности средств. Но последующий выбор диктует уже не цель, а условия ее реализации. И такой выбор, наш выбор, может быть и хорошим, и плохим. Зная это, Теофраст и Аристотель создавали учение о качествах речи, а Цицерон и Квинтилиан четко разграничили просто правильную и уместную речь. Так рождалась стилисти-

ка. Но вернемся к той части определения языка, где упоминаются его функции. Они взаимосвязаны, и эта связь реализуется в самой важной из них - **общении**. Именно здесь общность функции предопределяет и общность средств, т.е. единство языка как системы. В этом отношении язык и его стили едины. И все-таки, что же определяет их различия? Начнем с той базовой функции языка, которую называют когнитивной или экспрессивной (Слюсарева 1990: 564). Мысль формируется и выражается только адресантом (говорящим, пишущим). Адресат (слушающий, читающий) в этом не участвует. Теперь о другой функции, традиционно относимой ко второй базовой, к коммуникативной; о воздействии. Оно исходит от адресанта. От его намерений, интенций. Адресат опять-таки не принимает в этом непосредственного участия. Далее, об одной из главных разновидностей базовой коммуникативной функции - о **сообщении**. Здесь дело обстоит как раз наоборот. Адресанту не нужна информация, которая содержится в сообщении. Он знает ее заранее. Ему нужна реакция на сообщение. Но информация нужна адресату. Ее надо извлечь и выделить в ней полезную (прагматическую) часть. Какой же вывод из сказанного? Если мы утверждаем, что цель и условия ее достижения - **исходный момент**, определяющий дальнейший выбор средств, то надо признать: для науки, изучающей стили, таким **исходным моментом** будет разграничение стилистик, ориентированных на адресанта или, соответственно, на адресата. В связи с общепринятыми названиями базовых функций языка, первую правомерно называть экспрессивной, вторую - коммуникативной.

2. Экспрессивная стилистика: функция, организация, тексты

Чтобы обосновать утверждение, сформулированное в предшествующем разделе, надо выделить и подробно рассмотреть 3 ключевых вопроса: **специфику функций языка**, успешно реализуемую благодаря дифференцированному использованию языковых средств; **специфику соответствующей организации этих средств**; **специфику текстов**, в которых эти средства используются.

3. Специфика функции

Специфика реализации когнитивной функции языка сопряжена с различным удельным весом абстрактно-логических и эмоционально-оценочных компонентов в содержании формируемой и выражаемой мысли. Именно больший удельный вес этих последних определяет природу экспрес-

сии, что было справедливо отмечено еще Ш. Балли (1961). Именно их наличие в речи требует отказа от привычных способов ее организации. В свою очередь, эмоционально-оценочные компоненты требуют поддержки *наглядно-образных* и переплетаются с ними: сила чувств и убедительность оценок прямо пропорциональна яркости и конкретности представлений, которые за ними стоят¹.

Итак, чтобы не рассуждать слишком отвлеченно, поясним разницу между когнитивной функцией вообще и ее экспрессивной разновидностью следующей иллюстрацией:

- В стихах Маяковского: “В сто сорок солнц закат пылал. В июль катилось лето...”; - В злой реплике Ницше: “Всем, кого тошнит, говорит Заратустра - оерегитесь плевать против ветра”; - В случайно услышанном на улице: “Что? Лимон? Не вешай мне на уши свою лапшу”.

Чего больше? Логики или чувств? Абстрактных понятий или “картинок”? Сообщений или оценок?

4. Специфика организации. Изобразительность

Наглядно-образные компоненты отличаются от абстрактно-логических большей конкретностью, большей насыщенностью содержания. В то же время по отношению друг к другу они более расплывчаты, диффузны. В отличие от абстрактно-логических, они с большим трудом поддаются членению на дискретные единицы. Но речь всегда дискретна. Именно поэтому попытка означить такие компоненты с самого начала приводит к вынужденной многозначности на оси парадигматики. Так же расплывчаты, а, следовательно, многозначны и эмоционально-оценочные компоненты, независимо от того, переплетаются ли они с нагляднообразными. Как устранить эту нежелательную многозначность? У адресанта есть три способа. Первый - “выбросить” рассматриваемые компоненты на ось синтагматики, не раскрывая всего богатства их содержания и частично компенсируя этот недостаток за счет интонации. Этот способ касается эмоционально-окрашенной лексики. Мы называем его простым, *неспециальным средством усиления изобразительности*. Второй - удлинение речевой цепи, атрибутизация, т.е. характеристика существительного обычными определениями-прилагательными, глагола - качественными наречиями и

¹ “Сравнение абстрактных понятий с предметами конкретного мира является богатейшим источником экспрессии” (Балли, 1961: 18).

т.п. И это тоже неспециальное средство. Третий способ - усложнение языкового кода. Он может сочетаться с двумя первыми. Но это специальное средство, требующее особых комментариев.

Р.Якобсон упоминает о двух основных операциях, используемых в речевом поведении - селекции и комбинации (1975: 204). В этой связи мы будем рассматривать упомянутое усложнение кода на оси селекции, структурно совпадающей с осью парадигматики, и, соответственно, комбинаторики, совпадающей с синтагматикой.

Мы знаем, что знаки делятся на индексы (отношения смежности между означающим и означаемым), символы (абсолютно произвольная, случайная связь между ними), а также иконы и диаграммы (отношения сходства, которое в последнем случае определяется количественными и порядковыми отношениями). Мы предполагаем, что индексные свойства присущи каждому знаку, в то время как абсолютно произвольная связь и подобие могут отсутствовать. Адресант выбирает с оси селекции отдельный знак. Каков же характер этого знака? Думается, что здесь доминирует символ: иконические отношения возможны только у звукоподражательных слов, а диаграмматические не могут развернуться из-за парадигматической структуры. Итак, господствует символ. Отсюда следует возможное усложнение кода за счет новых единиц - синонимов, омонимов, антонимов, так как сходство или подобие означаемых не определяет сходства или подобия означающих и наоборот. Отсюда восприятие смежности в знаке-индексе как случайной и невозможность сопоставлять отношения между означающим и означаемым в одном знаке с теми же отношениями в другом. В отличие от оси селекции, структура оси комбинаторики обеспечивает господствующее положение диаграмматических знаков. Здесь смежность в знаке-индексе воспринимается как закономерность, мотивирующая сопоставление комбинаций означающих с комбинациями означаемых, проецирование отношений между означаемыми на отношения между означающими и наоборот. Так создаются условия для специальных средств изобразительности - фигур.

5. Фигуры

Фигура - это опирающаяся на определенный тип ассоциативной связи сложная семантическая структура, которая служит целям преобразования исходного расплывчатого представления формирующейся мысли в более дискретное, приспособленное для последующего воплощения в речи. При

речевом оформлении нового представления означающие, накладываемые на его компоненты, выступают уже не в первичной функции, присущей им на оси селекции, а во вторичной, получаемой на оси комбинаторики. Следовательно, фигура определяется как специальное изобразительное средство, в отличие, скажем, от атрибутизации, где означающие используются в первичной функции.

А. **Фигуры мысли.** Так назывались в античной риторике различные, привлекающие внимание, целенаправленные отклонения от обычного хода мыслей, не связанные с какимилибо конкретными языковыми средствами². Мы сохраняем это название, но вкладываем в него новый смысл. Фигуры мысли характеризуются исходным сопоставлением означаемых, которое может опираться на 4 типа ассоциативной связи: контраст, сходство, смежность, тождество. Это сопоставление проецируется на означаемые. Результат может быть разным. Первое: одно из означающих устраняется, другое объединяет новое сложное представление и в одиночестве репрезентирует его на оси комбинаторики. Так образуются тропы. Вторая возможность состоит в сохранении обоих означающих. Так создаются амплификации. Основные виды тропов - антифразис (контраст), метафора (сходство), метонимия (смежность) и перифразис (тождество). Они изучены и в целом хорошо описаны как сами по себе, так и в своих разновидностях. Основные виды амплификации - антитеза, сравнение, аллегория и плеоназм - также описаны достаточно подробно (Хазагеров, Ширина 1994). Ассоциативные связи, лежащие в основе фигур мысли, могут комбинироваться. Такова, например, градация (наложение отношений контраста на отношения сходства), коррекция (сходства на контраст), гипаллага или перемещенный эпитет (смежность, мотивированная сходством), оксюморон (контраст, наложенный на смежность и мотивированный сходством) и др.

К фигурам мысли примыкают аллеотеты (грамматические тропы и амплификации). Сюда относятся переносные значения форм числа, наклонения, времени, лица и проч. Особого упоминания заслуживает риторическое обращение и риторический вопрос, а также гипофора (эпилемма), вопросраздумье, вопросно-ответное единство, включающее серию делиберативных вопросов.

2 Обзор высказываний античных авторов см. в книге Н. Lausberg, *Handbuch der literarischen Rhetorik*, Munchen, 1960, с. 755.

Б. Словесные и звукоподражательные фигуры характеризуются сопоставлением означающих с означаемыми. Единственный тип ассоциативной связи, на который оно опирается - сходство. Такие фигуры могут формироваться уже на оси селекции, но только в комбинаторике наиболее полно разворачиваются на иконические и диаграмматические свойства. Звукоподражательные фигуры (ассонансы, аллитерация) не требуют особых комментариев. Диаграмматические подразделяются на фигуры прибавления, убавления, разъединения и перестановки.

Фигуры прибавления характеризуются повтором слов или словосочетаний, размещаемых дистантно, в строго определенных позициях (**анафора**, **эпифора**, **кольцо** и их разновидности и комбинации), или же **контактно** (**геминация**, **анадиплозис** и **стык**). Возможен повтор союзов (*полисиндетон*), предлогов, а также морфем (**гомеология**). Наконец, есть и такая своеобразная разновидность фигур прибавления как синтаксический параллелизм.

Фигуры убавления характеризуются пропуском линейно (сегментно) реализуемых означающих. Пропуск восстанавливается благодаря суперсегментным средствам - интонации, порядку слов, синтаксической позиции и контексту. К этим фигурам относятся: **просиопезис** (пропуск в начале микротекста), **эллипсис** (в середине), **апосиопезис** (в конце), а также **асиндетон** (пропуск союзов). **Фигуры разъединения** характеризуются дополнительной (значащей) паузой между компонентами. Пауза может характеризоваться вставкой нового компонента, который синтагматически не связан с расчлененными. Таковы: **парнтезис** (пауза внутри предложения), **тмезис** и **диакоса** (внутри слова, чаще сложного, между морфемами). Вставки может не быть (**скандирование** и обычная **парцелляция**). Фигуры перестановки, независимо от того какие компоненты меняются местами, носят общее название **гипербатон**. Словесные фигуры и их разновидности образуют многочисленные комбинации, из которых наиболее известны: **зевгма** (сочетание фигуры убавления с синтаксическим параллелизмом), **период** (сочетание синтаксического параллелизма с фигурой размещения, т.е. со значащей паузой), **гиперзевгма** (наложение дистантной фигуры прибавления на синтаксический параллелизм), **эпанода** (контактное перечисление с дальнейшим дистантным повтором и характеристикой каждого из перечисленных компонентов). Словесные фигуры комбинируются и с амплификациями, особенно с теми, которые основаны на контрасте. Наиболее известны: **антиметабола** (наложение

антитезы на гипербатон), дистинкция, диафора, плока (наложение антитезы на фигуры прибавления).

В. Омонимичные фигуры основаны на исходном сопоставлении означающих. Это сопоставление предполагает только один тип ассоциативной связи - сходство, однако, при проецировании такого "сходства" на означаемые оно неожиданно оказывается мнимым, вызывая комический эффект (каламбур) или иррациональным (как в различного рода инструментариях).

6. Выразительность

Выразительность - организация речи, способствующая привлечению и поддержанию внимания (Капацкая 1977: 41-45). Привлечение и сохранение внимания взаимосвязаны и в то же время различны. Организация речи привлекает внимание своей непредсказуемостью. Она поддерживает и напрягает его, но только до тех пор, пока сама не превратится в "предсказуемую непредсказуемость" или "вероятную невероятность". Чтобы избежать этого, необходимо частичное ослабление внимания за счет достаточно хорошо предсказуемых элементов, иными словами, чередование "антистандарта и стандарта" (Костомаров 1971: 158). Удержав внимание этим приемом, мы можем вновь напрячь его для "последнего усилия", снова обращая обретенную предсказанность в непредсказуемую или в "невероятность вероятного".

Средства для привлечения внимания имеются уже на оси селекции. Это, к примеру, выбор лексики, имеющей суженную сферу употребления. Но особенно полно используются они в особых приемах, разворачиваемых на оси комбинаторики. Эти приемы хорошо описаны под названием выдвигания и его разновидностей - конвергенции, сцепления и "обманутого ожидания" (Арнольд 1981).

7. Специфика текстов

Ни наблюдения Ш.Балли, охарактеризовавшего содержательную сторону экспрессии, ни исследования природы усиления изобразительности и выразительности как основополагающих средств ее реализации (*Проблемы экспрессивной стилистики* 1991), ни значительные успехи в классификации знаков, ни разработка учения о приемах выразительности в свете общей теории выдвигания, ни, наконец, возрождение интереса к античной и средневековой риторике и богатейшему перечню описанных

ею фигур, - не стали (и это надо признать) необходимым прочным основанием для новой дисциплины - экспрессивной стилистики. Причина этому - недостаточное понимание специфики текстов; классификация, учитывающая эту специфику, будет же важной для экспрессивной стилистики, какой была классификация стилей для традиционной функциональной.

Тип текста, который должен заинтересовать экспрессивную стилистику, определяется не столько общей сферой материальной и духовной деятельности адресанта и адресата (бытовой, производственно-деловой, научной, художественной, религиозной и т.д.), не столько содержательной стороной сообщения, сколько ее эмоциональной оценкой. Именно через оценку тип текста связывается с функцией воздействия, причем особое значение получает аргументация, доводы, а отсюда и тип психической деятельности, с которым они по преимуществу связаны.

Исходя из классификации топик, предложенной еще Аристотелем, можно выделить три общих типа текста, точнее микротекста. Это рассуждение, волеизъявление и наблюдение. Первый сопряжен с логической аргументацией (что может, могло и чего не может и не могло быть). Второй - с доводами "к человеку", к его чувствам, симпатиям и антипатиям (что должно и чего не должно быть). Третий - с доводами к "очевидному" (что было и чего не было, т.е., в частности, с доверием или недоверием к наблюдениям "очевидцев"). Впрочем, различая статику и динамику событий, последний тип разделяют на два самостоятельных - описание и повествование.

Нельзя сказать, что названные типы вообще не изучались. Более того риторика выделила, например, десятки разновидностей тексто-описаний: анемографию (ветры, бури), дендрографию (деревья, леса), гидрографию (водные пространства), пирографию (пожары), прозографию (портреты), топографию (пейзажи, рельеф), хорографию (описание страны), хронографию (эпохи, времена) и др. В риторике, а затем в стилистике делались и делаются многочисленные наблюдения об использовании лексики, фразеологии, грамматических форм и синтаксических конструкций в связи с тем или иным типом и подтипом текста. Но все это касалось, в первую очередь, первичных функций языковых средств, уже заданных на оси селекции. И можно сказать, что вплоть до нашего времени не ставилась и не решалась принципиальная теоретическая проблема - закономерность связи между типом текста и специальными и неспециальными средствами усиления изобразительности. Между тем решение этой проблемы было бы

исключительно важным. Оно дало бы экспрессивной стилистике рабочее понятие, равноценное понятию **стилевой черты**.

Конечно, экспрессивную стилистику интересует не всякое размышление, волеизъявление, описание и повествование, а лишь те тексты, которые насыщены эмоционально-оценочными компонентами. Причина неудач - попытка выделить однотипные функции фигур на материале целостных произведений. т.е. в большинстве случаев макротекстов. Но фигуры непосредственно связаны с микротекстом. Что же касается макротекстов, то тут нужно обратить внимание на следующее. Во-первых, в макротекстах основные типы текста обычно чередуются, переходя друг в друга. Во-вторых, не каждый микротекст внутри целостного произведения обязательно насыщен эмоционально-оценочными компонентами, а значит, не нуждается в экспрессивных средствах, непосредственно не нацелен на воздействие.

Наконец, в третьих, в художественном произведении (а функции фигур изучались именно здесь) имеется сложное переплетение оценочных компонентов в авторской речи и в речи персонажей.

Итак, попытки выделить однотипные функции фигур на материале макротекста заранее обречены на неудачу. Между тем отдельные наблюдения о связи средств усиления образительности с типами текстов самоочевидны. Перейдем к иллюстрациям.

8. Иллюстрации

Рассуждение, в котором изображается движение мысли, ярче всего передается с помощью **гипофоры**, обычно сопровождаемой коррекциями. Ср.:

“В человеке что есть лучшего? Разум. Ибо этим превосходит он животное. Сильный? И львы. Красив? И павлины. Быстро бегают? И лошади. Голос имеет?..” (Сенека).³

“Жизнь наша подобна тени. Но чья это тень? Тень башни? Нет. Тень дерева? Тоже нет. Это тень пролетающей птицы. Улетит она, и нет ни ее, ни тени”. (Талмуд).

3 Фигуры принадлежат и национальному, и общечеловеческому менталитету. Поэтому мы приводим иллюстрации на русском языке, независимо от того, что перед нами - оригинал или хороший перевод.

Другой способ изобразить движение мысли - аллегория, переходящая в развернутое сравнение. Образцы таких текстов дают уже евангельские притчи.

“Слушайте: вот вышел сеятель сеять; и когда сеял, случилось, что иное упало при дороге, и налетели птицы небесные и поклевали то; иное упало на каменистое место, где немного было земли, и скоро взошло, потому что земля была не глубока; когда же взошло солнце, увяло, и, как не имело корня, засохло; иное упало в терние, и терние выросло и заглушило семя, и оно не дало плода; и иное упало на добрую землю и дало плод, который взошел и вырос, и принесло иное тридцать, иное шестьдесят и иное сто...Сеятель слово сеет... А посеянное на доброй земле означает тех, кто слушает слово и принимает и приносит плод”.
(*Евангелие от Марка*).

Структура готовой расчлененной мысли особенно четко отображается через эпанод.

“Вся военная история Суворова состояла в трех словах: взор, быстрота, удар. Но взор сей природа дает немногим. Но быстрота была тайной для самих Ганнибалов. Но удар сей был присущ единственно Суворову”. (Н.М.Карамзин).

Итог пути, пройденного мыслью, особенно той, которая насыщена диалектическими противоречиями, начало такого пути завершаются или предваряются такими рельефными средствами, как антиметабола, оксюморон, диафора, дистинкция, плока. Приводим иллюстрации с диафорой и плокой:

“Суета сует, сказал Екклесиаст, все суета”. (Еккл., гл.12).

“Экспроприаторов экспроприируют”. (К.Маркс, *Капитал*).

Волеизъявление, сосредоточенное на внешнем объекте, естественно связано с риторическими обращениями.

“О обладатели писания! Приходите к слову, равному для вас и для нас...”
(*Коран*, сура 3).

“О вы, которые уверовали! Не делайте тщетными ваши милостыни попреком и обидой”. (*Коран*, сура 2).

Когда прямой объект воления (волеизъявления) не реальный, а символический, так что реальный смысл изъяснения воли - привлечь внимание к нему, уместна специальная разновидность риторического обращения - аверсия.

Ср.: "Встань, славный вождь из могилы твоей, встань, отряхни сон! Ибо ты не умер, но спишь до общего всем Воскрешения". (Митрополит Илларион, *Слово о законе и благодати*).

Другая отличительная черта, часто сопутствующая риторическим обращениям, - эмоционально-окрашенная лексика.

Ср.: "Повидайся со мною, родимая, появись легкой тенью на миг!" (Некрасов, *Рыцарь на час*).

"Звери алчные! Пьяницы ненасытные! Что мы крестьянину оставляем? То, чего отъяти не можем? Воздух (Н.А.Радищев, *Путешествие из Петербурга в Москву*).

Когда в волеизъявлении акцентируется непреклонность, постоянство желания, особенно уместны анафора, антитеза, кольцо, эпифора, градация с наложенным на них соответствующим интонационным контуром.

Ср.: "Мы хотим жить, мы хотим знать, мы хотим быть людьми. Мы хотим насытить алчущий дух наш всею мудростью земли, созданной на твердых терпения нашего. Мы хотим всего, что уже есть, мы хотим создать то, чего нет еще". (М.Горький, *Мудрец*).

"Мы будем сражаться во Франции, мы будем сражаться на морях и океанах, мы будем сражаться со все возрастающей уверенностью и силой в воздухе, мы будем защищать наш остров, чего бы нам это ни стоило, мы будем сражаться на полях и улицах, мы будем сражаться в горах. Мы никогда не сдадимся". (У.Черчилль).

Один из самых ярких примеров единства содержания и формы в таких текстах - это, безусловно, запечатлевшееся в памяти миллионов людей симоновское *Жди меня*.

Наряду с описанными выше фигурами, текстурными и волеизъявления имеют и ряд общих отличительных черт. Это риторические вопросы, антифразис, некоторые виды периода (условный, уступительный). Для текстов-повествований особенно значимы диаграмматические свойства знака, позволяющие передать внешний и внутренний (психический) ритм событий. Если события разворачиваются поступательно, необратимо или очень быстро, то изобразительность обычно создается асиндетоном или эллипсисом с наложенным на них интонационным контуром. Ср. лаконичное сообщение Цезаря о победе над понтийским царем Корнаком: Пришел, увидел, победил.

Ср. еще: "...Летит, летит, взглянуть назад / Не смеет; мигом обежала / Куртины, мостики, лужок, / Аллею к озеру, лесок, / Кусты, сирень переломала, / Летя по цветникам к ручью, / И, задыхаясь, на скамью / Упала". (Пушкин, *Евгений Онегин*).

Заметим, что в предпоследней строфе союз *и* с последующим переносом (анжамбеманом) создают зримое ощущение остановки быстрого бега.

Ср. еще: "Вдруг что-то шумно упало в воду: я хватя за пояс - пистолета нет. О тут ужасное подозрение закралось мне в голову! Оглядываюсь - мы от берега около пятидесяти сажен, а я не умею плавать! Хочу оттолкнуть ее от себя - она, как кошка, вцепилась в мою одежду, и вдруг сильный толчок едва не сбросил меня в море". (Лермонтов, *Тамань*).

Если же события как бы возвращаются "на круги свои", протекают синхронно *и/или* очень медленно, то уместен полисидетон.

"Род проходит, и род приходит, а земля пребывает во веки. Восходит солнце и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит. Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги своя". (Еккл., гл.1).

"А царица хохотать, / И плечами пожимать, / И подмигивать глазами, / И прицелкивать перстами, / И вертеться подбочась, / Гордо в зеркальце глядясь".

(Пушкин, *Сказка о мертвой царевне и семи богатырях*)

"Через несколько минут платформа задрожала, и, пыхая сбиваемым книзу от мороза паром, прокатился паровоз с медленно и мерно насупливающимся рычагом среднего колеса и с кланяющимся обвязанным и заиндевельным машинистом; а за тендером, все медленнее и более раскачивая платформу, стал подходить вагон с багажом и с визжавшей собакой".

(Л.Толстой, *Анна Каренина*.)

Так же, как асиндетон и эллипсис, геминация и анадиплозис уместны для изображения поступательного движения событий. Но, в отличие от асиндетона, при повторении их возникает ощущение замедленности. Ср. следующий пример, где восприятие событий напоминает впечатление от просмотра кинокадров с замедленной съемкой:

"И опричник молодой застонал слегка, / Закачался, повалился замертво; / Повалился он на холодный снег, / На холодный снег, будто сосенка, / оудто сосенка, во сыром бору / Под смолистый под корень подрубленная". (Лермонтов, *Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого бойца Калашникова*.)

Тексты-описания характеризуются широким использованием атрибутизации. При этом обычные атрибуты чередуются с метафорическими эпитетами. Используются различные разновидности метафор и метонимии. Метафорический перифраз. Эти тексты расклассифицированы подробно. Подробно описаны и характеризующие их средства, так что мы ограничимся одной впечатляющей иллюстрацией:

“С высоты четырех с половиной тысяч метров видна была освещенная заходящим солнцем картина огромной катастрофы. Раскаленный воздух поднимал ввысь белый дым, очищенный от сажи; этот отбеленный высотой дым стлался в вышине волнистой пеленой; его трудно было отличить от легких облаков; ниже дышал, вздымался, кипел тяжелый, вихрастый, то черный, то пепельный, то рыжий дымовой ком - казалось, сам

Гауризанкар медленно и тяжело поднимался из чрева земли, выпячивая миллионы пудов раскаленных, плотных пегих и рыжих руд. То и дело жаркое медное пламя прорывалось из глубины колоссального котла... Изредка становилась видна земля, метание мелких черных комариков, но плотный дым мгновенно поглощал этот вид. Волгу и степь затянуло мгlistым туманом, и река, и земля казались седыми, зимними... Фашистский генерал своим каменным сердцем в эти минуты чувствовал власть человека, который привел его к этой страшной высоте, дал в руки факел, которым германская авиация зажгла костер на последнем рубеже между Востоком и Западом, указал путь танкам и пехоте к Волге и огромным сталинградским заводам.

Эти минуты и часы казались высшим торжеством неумолимой “тотальной идеи”, идеи насилия моторов тринитротолуола над женщинами и детьми Сталинграда... Но нет! В роковые г ак гибели огромного города совершалось нечто поистине великое - в крови и раскаленном каменном тумане рождалось не рабство России, не гибель ее; среди горячего пепла и дыма неистребимо жила и упрямо пробивалась сила советского человека, его любви, верности свободе, и именно эта сила торжествовала над ужасным, но тщетным насилием поработителей”. (В.Гроссман, *За правое дело.*)

Тексты-описания и тексты-повествования имеют и общие отличительные черты - формы времени часто употребляются в переносном значении, хотя и с некоторыми различиями, связанными с модально-временным планом текста. Наряду с фигурами, чье употребление отражает специфику того или другого типа экспрессивных типов текстов, у всех их есть общая черта - почти неременное использование сравнений и широкое употребление антитез

9. Изобразительность и выразительность

Основной строительный материал, идущий на создание описанных выше приемов усиления выразительности, - это фигуры. Таким образом, при переходе от формирования и выражения мысли к воздействию выразительность получает главную роль и подчиняет себе изобразительность. Как же осуществляется это подчинение?

Начнем с **конвергенции**. По определению, это пучок функционально однородных средств, сконцентрированных на узком участке текста и тем самым привлекающих внимание. Чем необычнее, сложнее кодовая комбинаторика, тем легче вызвать интерес к организации речи. Казалось бы, здесь следует отдать общее предпочтение тропам и в особенности сложным метафорам и метонимиями. Но внимание надо не только привлекать, но и удерживать. Значит, надо хотя бы отчасти компенсировать усложнение кода некоторым удлинением речевой цепи, особенно, если прием конвергенции станет повторяться в ряде микротекстов одного и того же макротекста. И здесь на первое место выходят амплификации, именно - сравнение, антитеза или их разновидности, основанные на комбинациях ассоциаций по смежности, сходству или контрасту.

Далее - **сцепление**, которое, по определению, представляет собой повторение однотипных средств в одних и тех же позициях, создавая, таким образом, известную разгрузку для слишком напряженного внимания. Казалось бы, на первом месте должны быть фигуры прибавления. И отчасти это так. Но они слишком просты. К тому же на них легко накладываются уже упомянутые амплификации (повторение сравнений, антитез, комбинированных амплификаций). Наконец, **“обманутое ожидание”**.

Эта **“вероятная невероятность”**, по самому своему определению, предполагает контраст, но не просто, а в его комбинациях со сходством, повтором и пр., так что мы снова обращаемся к антиметаболе, оксюморону, диафоре и проч. уже упоминавшимся фигурам. Таким образом, отдельные наблюдения о роли фигур как изобразительных средств находят определенное подтверждение и при общем анализе их возможностей обслуживать приемы создания выразительности. Разумеется, все изложенное выше нельзя рассматривать как окончательно сложившуюся теорию. Нужны дальнейшие наработки. О сходствах и различиях стилистики художественной речи и экспрессивной стилистики. О принципах разграничения микро- и макротекстов. О роли фигур разъединения. Плеоназмов. Но важно уже само направление исследований.

10. Итоги

Мы рассмотрели две стороны экспрессии. Экспрессию как содержание. Как эмоционально-оценочные и нагляднообразные компоненты формирующейся мысли. И экспрессию как особого рода усиление. Усиление изобразительности и выразительности, которое помогает осознать эти компоненты нам самим и довести их до сознания других. Усилия могут быть бесплодными. Но нет хороших плодов мысли, которые можно получать без усилий. Есть фигуры без поэзии, без эмоций и без игры воображения. Но нет поэзии мысли без фигур.

11. О коммуникативной стилистике

Подробная характеристика функций, средств и текстов в данном случае не является нашей целью. Мы ограничимся здесь лишь простым сопоставлением, которое позволит нам подчеркнуть все существо различий между коммуникативной и экспрессивной стилистикой. В отличие от адресанта, адресат имеет дело с мыслью, которая сформирована и выражена дискретными речевыми единицами. Извлечь из сообщения максимум полезной информации, затратив необходимый минимум времени - вот главная задача адресата. Он избегает избыточного удлинения речевой цепи, ему не нужны нестандартные осложнения кода на оси комбинаторики. Он готов согласиться с усложнениями на оси селекции. И., соответственно его интересам, на этой оси центр тяжести перемещается с многозначности на синонимию. Синонимия - вот та специфика организации языковых средств, с которой начинается коммуникативная стилистика. И ее первое фундаментальное достижение - детальная проработка проблем лексической и грамматической синонимии. В отличие от адресанта, адресат ориентируется только на такую классификацию текстов, которая определяется сферами его духовной и материальной деятельности. И именно в его интересах создана детальная классификация функциональных стилей и стилевых черт. Это второе фундаментальное достижение коммуникативной стилистики, получившей такой мощный понятийный аппарат и такую область применения, что ее стали называть **функциональной** (термин, на наш взгляд, неудачный, ибо не может быть стилистики без ориентации на полезную функцию). И тем не менее, коммуникативная стилистика в принципе не может решать все задачи стилевой дифференциации языка. Особенно в тех случаях, когда мы обучаемся и обучаем искусству ясно и точно мыслить, говорить и писать, достойно воздействуя на разум, волю и

воображение своих адресатов. В заключение отметим, что объектом нашего исследования была теоретическая, а не практическая стилистика. Именно поэтому мы уделили основное внимание определению задач и границ компетенции интересующей нас научной дисциплины.

Литература

- Арнольд И.В., 1981, *Стилистика современного английского языка*, Ленинград.
Балли Ш., 1961, *Французская стилистика*, Москва.
Капацинская Е.В., 1977, *Изобразительность и выразительность художественной речи. - Лексика. Терминология*. Стили, вып.6, Горький.
Косериу Э., 1982, *Синхрония, диахрония и история. - Новое в зарубежной лингвистике*, ь 3, Москва.
Костомаров В.Г., 1971, *Русский язык на газетной полосе*, Москва.
Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, Москва.
Проблемы экспрессивной стилистики, вып.1,2, Ростов-наДону.
Слюсарева Н.А., 1990, *Функции языка - Лингвистический энциклопедический словарь*, Москва.
Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С., 1994, *Общая риторика. Курс лекций и словарь риторических фигур*, Ростов-на-Дону.
Якобсон Р., 1975, *Лингвистика и поэтика. - Структурализм: за и против*, Москва.

Expressive Stylistics: Boundaries and Tasks

In the article expressiveness is considered 1) as the content, as the emotional-evaluative and demonstrative-evocative components of thought, and 2) as a kind of intensification of representation and expressiveness. The means of realization and functions of the two are described, specifically, in connection with the types of text. While defining the differences between communicative (functional) stylistics and expressive stylistics the author proceeds from the different functions of addressee and addresser (in whose interests the classification of functional styles and stylistic features is made up). However, in the author's opinion, communicative stylistics cannot accomplish all the tasks of the language stylistic differentiation. The educating to think clearly and precisely, to write and to speak, influencing the mind, will and imagination is the jurisdiction of expressive stylistics.